

15. Сиротина И. Л., Лысова Н. Ю. Трансформация народного финно-угорского костюма в современном социуме // Вестник МГУ. 2014. № 4. С. 238–245.

16. Федотова О. В. Выставочная деятельность как фактор популяризации традиционного прикладного искусства и расширения информационно-художественного пространства // Традиционное прикладное искусство и образование. 2013. № 2 (6). С. 71–75.

Сведения об авторе

Бортникова Наталья Вячеславовна, канд. культурологии, доцент кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования, Удмуртский государственный университет (426034, Удмуртская Республика, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1)

Information about the author

Natalya V. Bortnikova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Computer Technologies and Artistic Design, Udmurt State University. (1, st. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.04.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	15.05. 2024
Принята к публикации / Accepted for publication	22.05.2024

Научная статья / Article

УДК 304.44008 (571.63)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-82>

Территориальная и этническая идентичность как формы самоидентификации и репрезентации региональной культуры (на примере Приморского края)

**Нина Алексеевна Коноплева¹,
Анастасия Александровна Поветкина²**

^{1,2} Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

¹E-mail: nika.konopleva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5969-3193>

²E-mail: pov_anastasiya@mail.ru

Аннотация. *Поиски себя и своей групповой (этнической) идентичности, а также территориальной принадлежности значимы для каждого человека и являются основанием для соответствующей самоидентичности (этнической / национальной / территориальной). Самоидентичность — результат сложного процесса восприятия индивидом окружающей действительности, формирования образов-представлений, интроектов в процессе интериоризации значимой социокультурной информации, обычаев и традиций, моральных норм, нравственных установок; отождествления себя с представителями соответствующих групп и территорий; освоения и развития ценностных установок и смысложизненных ориентиров бытия. В связи с целями нашего исследования необходимо осуществить сравнительно-сопоставительный анализ понятий «этническая идентичность» и «территориальная идентичность», обосновать их сходства и различия. В статье рассматриваются подходы к определению термина «идентичность» и «территориальная идентичность», а также устанавливается влияние объектов самобытной культуры и традиций на восприятие себя, своей самоидентичности индивидами локальных мест и соотнесение ее с территориальной идентичностью региона, в котором проживают как коренные малочисленные народы, так и представители других национальностей. В первой части статьи проведен анализ теоретико-методологических подходов к определению сущности этнической идентичности, самоидентичности и их соотнесение с территориальной идентичностью. Во второй части рассматриваются результаты эмпирического полевого исследования, а именно: анализ отдельных элементов культурной деятельности, способствующих сохранению идентификации жителей с определенной территорией и этнической группой, а также обуславливающих их самоопределение и причастность к местности их локального проживания.*

Ключевые слова: *идентичность, этничность, территориальная идентичность, коренные малочисленные народы, аутентичность*

Для цитирования: Коноплева Н. А., Поветкина А. А. Территориальная и этническая идентичность как формы самоидентификации и репрезентации региональной культуры (на примере Приморского края) // Человек. Культура. Образование. 2024. № 3. С. 82–103. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-82>

Territorial and Ethnic Identities as Forms of Self-Identification and Representation of Regional Culture (on the Example of Primorsky Krai)

Nina A. Konopleva¹, Anastasiya A. Povetkina²

^{1,2} Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

¹e-mail: nika.konopleva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5969-3193>

²e-mail: pov_anastasiya@mail.ru

Abstract. *The search for oneself and one's group (ethnic) identity, as well as territorial affiliation, is significant for every person, being the basis for the corresponding self-identity (ethnic / national / territorial). Self-identity is the result of a complex process of an individual's perception of the surrounding reality, the formation of images, representations, introjects in the process of internalization of significant sociocultural information, customs and traditions, moral norms, moral guidelines; identifying oneself with representatives of relevant groups and territories; mastering and developing value systems and life-meaning guidelines of being. In connection with the goals of our research, it is necessary to carry out a comparative analysis of the concepts of ethnic and territorial identity, to substantiate their similarities and differences. The article discusses approaches to the definition of the term "identity" and "territorial identity", and also establishes the influence of the objects of original culture and traditions on the perception of themselves, their self-identity by individuals of local places and its correlation with the territorial identity of the region in which they live as indigenous peoples, as well as representatives of other nationalities. The first part of the article analyzes theoretical and methodological approaches to the determining the essence of ethnic identity, self-identity and their correlation with territorial identity. The second part examines the results of empirical field research, namely the analysis of individual elements of cultural activity that contribute to maintaining the identification of residents with a certain territory and ethnic group, as well as determining their self-determination, and the involvement of the area of their local residence.*

Keywords: *identity, ethnicity, territorial identity, indigenous peoples, authenticity*

For citation: Konopleva N. A., Povetkina A. A. Territorial and Ethnic Identities as Forms of Self-Identification and Representation of Regional Culture (on the Example of Primorsky Krai). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 3: 82-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-82>

Введение. Современные глобализационные процессы, с одной стороны, способствуют смешению культур, преобразованию содержания этнической и территориальной идентичности, а с другой — актуализируют необходимость сохранения националь-

ных ценностей, традиций и обычаев отдельных этносов. Данная проблема особо значима для сохранения культуры коренных малочисленных народов.

Кроме того, актуальность нашего исследования обусловлена интересом к сущности понятия «территориальная идентичность», так как в современной российской действительности мы сталкиваемся с людьми разных национальностей и этнических групп, проживающих на одной территории, относящих себя в связи с этим к нескольким этнокультурам и использующих при взаимодействии несколько языков. В результате, с одной стороны, обогащается территориальная идентичность, а с другой — могут теряться традиционные культурные ценности многих этносов. Способствует этому процессу все возрастающая с каждым годом социальная мобильность и глобализационные влияния. «...Этническая и культурная полифонии являются отличительными чертами и социальным ресурсом современной Российской Федерации» [1, с. 3].

Кроме того, в связи с актуализацией в современной науке интереса к проблематике геокультурных оснований регионально-го имиджа и территориальной идентичности перед нами встал вопрос о соотносительности понятий «личностная самоидентичность», «этническая и территориальная идентичность».

Для сравнения этих терминов следует в первую очередь обратиться к сущностному анализу данных дефиниций и принципов их формирования, что позволит в дальнейшем проследить зависимость понятий и выявить их взаимовлияние друг на друга.

Если обратиться к традиционным представлениям о личности, то можно обнаружить подходы, опирающиеся на выявление личностной направленности, характера, темперамента, способностей, деятельности, особенностей адаптации индивидов в обществе и вхождения их в соответствующую культуру (Б. Г. Ананьев, В. М. Бехтерев, А. Г. Ковалев, А. М. Матюшкин, А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, К. К. Платонов и др.). В результате становится ясно, что сущностной характеристикой личности выступает ее многомерность [2, с. 6]. Причем структурными элементами служат ее базовые характеристики, обусловленные природно-физиологическими проявлениями (подструктура природных свойств), набор черт, сформированных в процессе социализации, интернализации, инкультурации, обусловленных системой связей, активности и отношений с обществом и его институтами, с культурой, в которые включен индивидуум.

В контексте культурно-антропологического подхода личность и ее самоидентичность акцентируются не только на основе социальной обусловленности ее своеобразия, но и в аспекте исторически определенной культуры и выполнения ею определенных функций в системе социокультурных отношений.

Таким образом, в связи с тем, что каждый индивидум, формируя самоидентичность, соотносит себя с представителями определенного этноса, а также жителями региона, в котором он проживает, возникает необходимость проведения сравнительно-сопоставительного анализа понятий «этническая идентичность», «территориальная идентичность» и «самоидентичность».

Методология. В исследовании использованы комплексный и культурно-антропологический подходы, направленные на анализ понятийно-категориального аппарата исследования и рассмотрение сущности терминов: «этнос», «этникос», «этническая и территориальная идентичность»; деятельностный подход, благодаря которому осмыслены особенности культуры, способствующие сохранению самоидентичности представителей одного из этносов, проживающих локально на территории Приморского края; структурно-функциональный, а также социологический методы (анкетирование и интервьюирование), позволившие получить основные результаты, концептуализирующие исследуемые понятия, их структуру и функции.

Основная часть. Определяя сущность термина «идентичность», следует прежде всего разделить подходы к данному концепту в контексте личностной и социальной идентичности, причем первостепенным вопросом понимания и изучения личности на рубеже XX века стала проблема ее идентичности. Исследователи рассматривали проблему в рамках философии, социологии, психологии и других наук. Термин «идентичность» в древности и средневековье относили к бытию вещей. И лишь с XIX века преимущественно психоаналитики и психологи стали соотносить его с личностью человека (И. Гофман, Дж. Мид, У. Джеймс, Ю. Хабермас, Э. Эриксон, Э. Фромм, К. Ясперс и др.).

Так, У. Джеймс главным в характеристике идентичности считал устойчивость субъекта, его непротиворечивость и тождественность себе.

В создании теории идентичности Э. Эриксон основывался на динамическом подходе к психическим структурам, сформулиро-

ванным З. Фрейдом. Самоидентичность он определял как совокупность личностных убеждений, ценностных установок и опыта, формирующих самовосприятие. Ученый утверждал, что становление социальной идентичности обусловлено фактом изначальной включенности человека в групповые практики и опыт, но при этом чувство идентичности значимо для поддержания непрерывности человеческой жизни, особенно в сложные времена перемен и культурных преобразований [3].

В результате Э. Эриксон выделил четыре элемента личностной «идентичности» (рис. 1).

Рис. 1. Элементы идентичности

Примечание: составлено авторами с использованием [3]

Решающим показателем идентичности как личностного образования Э. Эриксон, как и У. Джеймс, считал ее тождественность (целостность, неизменность, вне связи с изменением ролевых позиций, историческую непрерывность в пространстве и времени). Вместе с тем Э. Эриксон отмечал, что личность способна видоизменяться в зависимости от решений самого человека, факторов, окружающих его, а также возможного группового давления или личного желания быть тождественным с идеалами общества в целях демонстрации приверженности к группе.

Таким образом, несмотря на то, что Эриксон определял идентичность индивида как его тождественность самому себе, понятно, что формируется данная сущностная категория в социальной среде. Тенденция к изменению себя с учетом принадлежности к определенному этносу и группам, рядом с которыми человек живет, обуславливает формирование целостной этнической идентичности

и сопричастность к территории проживания, т. е. базовым основанием принадлежности к обоим типам идентичности у индивидуума является стремление адаптироваться к соответствующей группе. При этом для этнической идентичности в данном процессе решающим фактором является не столько место проживания, сколько язык и культура. Для территориальной же идентичности важна приверженность природно-географическим условиям проживания и любовь, привязанность к соответствующей территории.

А. Турен определял идентичность как осознанное самоопределение социального субъекта, что также подчеркивает значимость потребности принадлежности субъекта к определенной социальной группе [4].

В свою очередь, Дж. Мид, приверженец теории символического интеракционизма, выделял в идентичности два компонента: осознаваемый и неосознаваемый. Неосознаваемая составляющая обусловлена бессознательно воспринятыми индивидуумами культурными и поведенческими нормами, осознаваемая — деятельностью самосознания. Обосновывая социальную обусловленность формирования идентичности, ученый подчеркивал влияние на человека значимых культурных символов, социально заданных ролей и коммуникаций на пути понимания себя. Придавая решающее значение общению, он обосновывал значимость для формирования личностной идентичности диалогов с другими и самим собой. Подобных взглядов придерживался И. Гофман. Согласно его представлениям, личностная идентичность возникает при включенности индивида в социальную группу [5]. Ю. Хабермас ввел в научный обиход термин «Я-идентичность», выделив в ее структуре личностный и социальный компоненты. Он доказал, что личностный компонент обуславливает историческую связность жизни человека, а социальный направлен на осмысление и реализацию требований всех общественных групп, в которые он входит [6].

Таким образом, личностная и социальная идентичность тесно взаимосвязаны, в связи с чем К. Левин изучение идентичности основывал на ситуационном подходе, позволяющем рассматривать человека и окружающие его условия как части жизненного пространства личности и ее взаимодействия с окружением в конкретных ситуациях [7].

Об этом говорит и М. В. Заковоротная: «Идентичность можно определить как процесс становления человека на основе выбора и

формирования жизненной модели в социальном взаимодействии во имя исторической самореализации» [8, с. 49].

Рассмотрением личностной идентичности (образ Я) в контексте социально-психологической теории занимались А. Тэшфел (теория социальной идентичности) и Дж. Тернер (теория самокатегоризации), обосновавшие, что социальная идентичность представлена образами Я, формирующимися в результате деления индивидуумом окружающих его людей на определенные социальные категории, к которым он ощущает свою принадлежность [9; 10]. По мнению А. А. Джигоевой, социальная категоризация — это «процесс отнесения социальных объектов к некоторым классам или группам в соответствии с определенными логическими принципами» [11].

В свою очередь, И. В. Лысак, обосновывая динамику термина «идентичность» в контексте характеристик индивида, отмечает, что данное понятие в контексте обозначения единичного человеческого существования, бытия личности, ее «самости» приобретает значение «самотождественности», или «личного тождества» [12]. Ряд исследователей в своих работах используют термины «самость» и «идентичность» как синонимы. Так, например, поступает И. Гофман. Можно сделать вывод о том, что личностная идентичность не что иное, как самоопределение или, как считает О. С. Чернявская, «самосознание, понимание собственных ролей в социальном взаимодействии» [13].

«В настоящее время понятие “идентичность” используется в следующих основных значениях: постоянство во времени, самобытность, “самость” как подлинность индивида, психофизиологическая целостность, психологическая определенность, непрерывность жизненного опыта, степень соответствия социальным ожиданиям, принадлежность к той или иной общности» [12]. Но при этом идентичность — самоопределение, и как результат отождествления себя в течение всей жизни она зависит от территории проживания, влияния общества, культуры, традиций и обычаев, сложившихся в месте проживания. Таким образом, идентичность — сложное, многомерное понятие, концептуализируемое на основе множества факторов и теоретических подходов, наиболее значимым из которых является принадлежность к определенному этносу и территории. Если обратиться к сущности этнической идентичности, то она осмысливается прежде всего на основе единства происхождения, языка, традиций и обычаев, повседневного уклада жизни и

культуры, а изучается на основе ряда теоретических подходов: пассивной теории этногенеза Л. Н. Гумилева, дуалистической концепции Ю. В. Бромлей, который ввел для обозначения этнической идентичности два термина — «этносоциальный организм» («этническая общность») и «этникос» [14; 15, с. 11]. Термин «этникос» по своим сущностным основаниям находится близко к понятию «этническая идентичность», практически подменяя его, так как концептуализирует составные элементы самосознания этноса, его социокультурные и психологические характеристики, осознание своей принадлежности к соответствующей группе, ее единство и отличия от других групп (Там же, с. 15). В свою очередь, С. Е. Рыбаков, говоря об этнической идентичности, использует термин «этничность», но отмечает, что данное понятие не только демонстрирует отождествление индивидуума с конкретным этносом, но и активное стремление к данному отождествлению [16, с. 11–12; 17].

Если обратиться к примордиалистской парадигме, объясняющей происхождение этносов в контексте двух направлений — социобиологического и эволюционно-исторического, то, согласно первому направлению, этничность считают данной изначально (примордиальной), обусловленной географическими факторами, а также генетически закодированной родственным отбором и связями (непотизм). При этом мы наблюдаем взаимодействие критериев, обуславливающих сущность этнической (генезис происхождения) и территориальной (место проживания) идентичности. Представитель социобиологического направления Ван ден Берг считал, что решающими в формировании этничности являются эмоционально обусловленные родственные связи (цит. по: [18, с. 92]).

Согласно второму направлению — эволюционно-историческому (И. Г. Гердер, С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей и др.), наиболее важным фактором этничности является общность территории и языка. Таким образом, прослеживается связь этнической и территориальной идентичностей, обусловленных географической основой обеих. Но, несомненно, территориальная идентичность — понятие более широкое, объединяющее в себе ряд этносов, проживающих на конкретной территории и использующих в коммуникациях несколько языков.

С. А. Арутюнов с Н. Н. Чебоксаровым, разработавшие информационную теорию этноса, решающее значение придавали адаптивности этноса к конкретной среде проживания, а следовательно,

фактору территориальной принадлежности, концептуализируемой на основе языка, культурных традиций, обычаев и ценностей. При этом для ученых значимы не только адаптация представителей этноса к природному своеобразие среды обитания, но и их информационные связи: политические, экономические, социокультурные с другими этносами. Это еще раз доказывает многосторонность понятия «территориальная идентичность». Таким образом, прослеживается интерес к влиянию глобализационных культурных, политических, экономических процессов на поведение, мировосприятие и ценности бытия представителей соответствующих этносов и территорий. По мнению С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова, именно этническая культура служит защитой этносов от внешних дестабилизирующих факторов [19; 20].

Территориальная идентичность — не что иное, как связь личности с той территорией, на которой человек проживает или имеет сопричастность с ней и отождествляет себя с ее образами и символами. «...Это чувство социальной общности с земляками по причине совместного проживания на одной территории» [21]. «Формирование и развитие территориальной идентичности определяется тем, что место проживания является не просто условием проявления жизнедеятельности индивидуумов, но и местом социализации всех проживающих на территории народов» [22, с. 49].

Важно отметить, что аутентичность и уникальные свойства территории могут стать основным фактором для ее положительного восприятия. Д. В. Какадий рассматривает территориальную идентичность как результат коллективной идентификации членов некоторой общности, занимающей место в иерархии социальных идентичностей наряду с другими видами самоидентификации — национальной, профессиональной, культурной, религиозной [23].

К. С. Мокин и Н. А. Барышная утверждают, что территориальная идентичность — это «комплекс социальных связей и артикулируемых в их контексте взаимоотношений, включающих в себя смысловое наполнение повседневных социальных, экономических, культурных и политических практик» [24, с. 133].

Обобщая мнения исследователей, можно утверждать, что основным свойством в территориальной идентичности человека является его связь, приобретенная в процессе проживания на определенной территории путем сопричастия с характерными чертами местности и всеми вышеуказанными факторами, с которыми

ми человек идентифицирует себя в процессе формирования самоидентичности. «Региональная идентичность — это воля к жизни и развитию на данной территории. Если энергия — способность совершать работу, то идентичность — это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» [25, с. 20]. Рассматривая территориальную идентичность, важно учитывать факторы, которые являются визитной карточкой территории и могут быть основой будущего брендинга. Другими словами, территория может обладать специфическими, уникальными характеристиками, что позволяет как местному населению, так и гостям быть заинтересованными в проживании на ней или ее посещении. «Территориальная идентичность весьма подвижна и динамична, на нее влияют различные практики символизации действительности, будь то случайные или целенаправленные» [26, с. 106].

А. А. Мусиезов решающее значение в формировании идентичности индивидуума придает сообществам, являющимся наиболее близкими ему по духу (семья, друзья, территория). Он отмечает значимость таких стратегий личностного определения, с одной стороны, как поиск подлинности своего существования, верность своей истории, культурным традициям своего сообщества (аутентичность и позитивность оценки индивидуума местным сообществом), с другой — как акцентирование внимания на создании новых значений (с опорой на существующие ресурсы и «исторически сложившиеся» возможности территории в контексте ее продвижения). Большое значение в современной культуре ученый придает территории в связи с тем, что новые общественные порядки, приводящие к изменению идентичности, до сих пор не привели к легитимизации ее форм, а локальное место проживания остается значимым фактором идентификации и осмысления самоидентичности, этничности и территориальной идентичности [27].

Таким образом, исследование самоидентичности является многоаспектным и востребует обращение научного сообщества как к образу жителей на соответствующей территории и факторам формирования их личностной и этнической идентичности, так и к выявлению всех элементов территориальной индивидуальности. Только комплексное исследование позволит установить все компоненты территориального образа, обуславливающие ценностные смыслы жизнедеятельности и факторы, способствующие, с одной стороны, приверженности к территории ее жителей, а с другой —

привлечению инвесторов, представителей бизнес-среды, способных развивать локальное место, не нарушая его культуру и сложившиеся традиции и обычаи.

Результаты. В качестве примера этнической и территориальной идентичности в одном из мест локального проживания коренных малочисленных народов (далее — КМН) Приморского края нами исследовано традиционное поселение удэгейцев и нанайцев в с. Красный Яр. На территории села проживают треть всех удэгейцев Российской Федерации, а также близкородственные им по культуре уссурийские нанайцы. Территория современного Приморья является исторической родиной удэгейцев, нанайцев и тазов. Край располагает уникальными историческими артефактами (археологическими памятниками), неповторимым природным пространством и своеобразной этнической культурой.

Согласно Федеральному закону от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (статья 1), «коренные малочисленные народы Российской Федерации — это проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями народы»¹ [28].

Анализ особенностей территориальной и этнической идентичности данного поселения был осуществлен одним из авторов статьи в период полевых исследований. Таежные жители села исторически отличаются силой и выносливостью, обусловленными трудными условиями повседневного быта, необходимостью жить в гармонии с природой, преодолевать наводнения, бороться за выживание в сложной природно-географической местности. Оседло эти народы проживают с 1957 года, когда здесь были построены дома, школа, больница, клуб. В настоящее время жители активно развивают территорию, на которой их предки десятками лет вели кочевую жизнь. Удэгейцы и нанайцы активно участвуют в жизни своего села и общины для защиты своих прав и сохранения культуры. Приоритетными направлениями в развитии территории, поддер-

¹ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 12.09.2023).

жании экономики и культуры села являются активное развитие этнического туризма; привлечение туристов путем организации праздников, событийных мероприятий этнической направленности; поддержание деятельности музеев, разработки этнокомплекса; организация экологических троп.

Стоит отметить, что нередким явлением в с. Красный Яр является организация круглых столов, во время которых активисты села и представители администрации Пожарского района ведут диалог о формировании мероприятий, направленных на поддержку КМН, защиту их прав и свобод, сохранение их этнической культуры, традиций, а также восстановление удэгейского языка.

Сохранение самобытной культуры — важная составляющая любого народа. Процесс ассимиляции коренных малочисленных народов в многонациональное российское общество влечет за собой утрату этнических основ культуры удэгейцев, нанайцев и тазов, что, в свою очередь, может повлечь за собой полную потерю территориальной аутентичности и, как следствие, исчезновение этноса. Использование современных форм взаимодействия с подобными регионами, хранящими традиционную культуру, позволит выявить базовые основы их территориальной идентичности и может способствовать сохранению того, что могло бы быть утеряно. Важно, чтобы интерактивные формы передачи традиций, обычаев, сложившихся исторически культурных мифологем, опыта повседневной жизнедеятельности стали интересны для молодого поколения, что, в свою очередь, будет способствовать их вовлечению в изучение и сохранение этнической культуры. К интерактивной форме жизнедеятельности можно отнести организацию для туристов экскурсий с посещением мастер-классов, во время которых гости знакомятся с традиционными формами народно-прикладного творчества удэгейцев и нанайцев, технологиями изготовления предметов быта и украшений, используемых в повседневной жизни и ритуальных празднествах. Примером попытки воссоздания утерянных элементов культуры, их сохранения для будущих поколений являются работы ремесленника с. Красный Яр, организовавшего в селе мастерскую по изготовлению традиционных удэгейских украшений и различного рода бытовых изделий.

Подобная и другие виды деятельности, демонстрирующие специфику этничности, могут стать способами передачи элементов традиционной этнической культуры подрастающему поколению

и гостям территории. Организация мастер-классов, обучение способам работы с материалами по традициям предков могут оказать положительное влияние на рост интереса к традиционной этнической культуре КМН Приморского края, будут способствовать вовлеченности в ее изучение, позволят разработать структурную модель культурного наследия и активно совершенствовать элементы территориальной идентичности, обеспечивающие продвижение этнической культуры.

Необходимо также обратить внимание на событийные мероприятия, проводимые в с. Красный Яр. Администрация села совместно с национальным парком «Бикин» организует ряд национальных праздников и фестивалей, раскрывающих традиционный дух и самобытную культуру удэгейцев и нанайцев. Одним из таких мероприятий является «Ва:кчай ни» — праздник начала и окончания сезона охоты у местного населения. Ритуал начинается с обряда шаманского камлания, направленного на удачу охотников, уходящих на промысел в тайгу на длительный период. Шаман просит оберегать охотников от бед, помощи высших сил в охоте. Камлание — длительный процесс, осуществляемый вокруг ритуального костра и привлекающий внимание не только гостей праздника, но и местного населения. После обряда начинаются спортивные состязания между командами на самое искусное изображение в движениях того, что делают охотники во время охотничьего сезона. Например, это может быть командная ходьба на лыжах, метание копья, стрельба из лука и ружья, прыжки через нарты, метание тынзяна на хорей. Организация и развитие подобных спортивных, культурных мероприятий могут способствовать интеграции традиционных знаний в современную жизнь.

В селе Красный Яр расположен ряд значимых аутентичных объектов, являющихся важным элементом как этнической, так и территориальной идентичности. В качестве примера можно указать место особой энергетики *Мёу* (место поклонения духам), где шаман проводит обряды и просит одобрения действиям соплеменников у духов. Обряд проводят у ритуального костра, рядом с которым шаман, а затем и все желающие могут расположить подношение духам в виде хлеба, сладостей и напитков. Но, к сожалению, в современных условиях данный священный объект этнической культуры трансформирован и превращен в некий культурный симулякр, приближенный к туристам и потерявший свой ценностный содержа-

тельный смысл, что обусловлено его пространственным перемещением и потерей связи данного места с исторически сформированной священной территорией. Жители села неоднозначно относятся к данному объекту. Часть утверждает, что восстановление и реконструкция подобных объектов являются значимым фактором сохранения историко-культурной памяти и обеспечения ее воздействия на представителей молодого поколения.

Вместе с тем есть определенная часть жителей, относящихся к фестивалям традиционной культуры и прочим событийным мероприятиям либо нейтрально, либо отрицательно. Это мнение жителей обусловлено тем, что нарушаются традиционные принципы обрядовой практики, вызванные требованиями организаторов данных фестивалей, с целью увеличения потока туристов и более эффективной, по их мнению, презентации этнической культуры. Так, порой обряды могут выполняться в неполаженное время и нетрадиционными способами, что может сказаться на человеке, проводящем обряд, и на всех жителях села. Представители коренного населения утверждают, что это негативно отражается на их традиционной культуре и повседневной жизни. Подобные проблемы не единичны.

Этническое самосознание представителей КМН Приморского края является основой эмоционально-когнитивного процесса осознания принадлежности к традиционной культуре и территории их проживания. Своеобразие этнической идентичности коренных народов заключается в почитании ими традиций своих предков (поклонение духам перед охотничьим сезоном и после него, сакральное отношение к тигру, желание восстановить утерянный удэгейский язык, проведение событийных мероприятий с колоритом культуры своего народа). Представители данной территории локального проживания КМН наиболее важным в восстановлении утерянных знаний и интереса местного населения к самобытной культуре, в поддержании традиционных принципов этнического существования считают сохранение традиционных способов охоты, соблюдение охотничьих законов, способствующих бережному отношению к природному наследию и животному миру в тайге, а не истреблению животных в погоне за прибылью.

Примером другой территории, характеризующейся тем, что на ней проживают люди разных национальностей, является Арсеньевский городской округ Приморского края. Большая часть

(95 %) населения г. Арсеньева представлены русскими. Кроме того, здесь проживают украинцы, татары, корейцы и белорусы. В качестве маркеров, на которые можно опираться при анализе идентичности данной территории, можно выделить ряд факторов (рис. 2), влияющих на самоопределение ее жителей. Для жителей Арсеньевского городского округа является важным наличие факторов и объектов, подчеркивающих своеобразие их территориальной идентичности. Например, то, что их город назван в честь выдающегося этнографа В. К. Арсеньева; кроме того, всем жителям известен нанайский охотник Дерсу Узала, ставший проводником и участником экспедиций, а также главным действующим лицом в повестях Владимира Клавдиевича Арсеньева — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

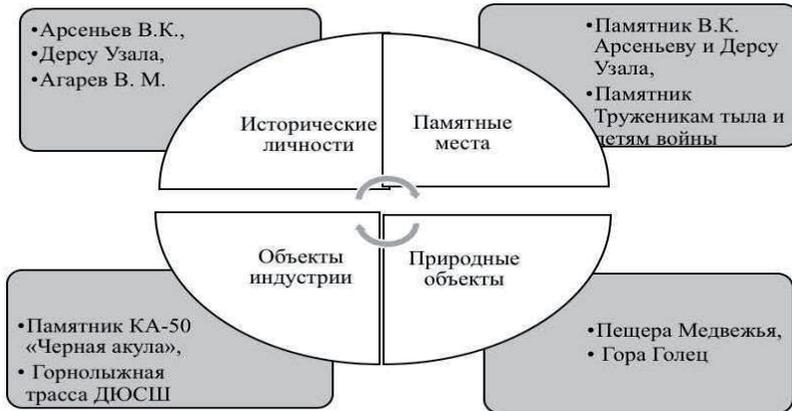

Рис. 2. Объекты, влияющие на территориальную идентичность
Примечание: составлено авторами

В ассоциативном ряду значимых объектов находятся промышленные предприятия города, в частности завод «Прогресс» — один из важнейших заводов аэрокосмической промышленности России, на котором выпускаются боевые вертолеты «Аллигатор». Город также известен своими сопками, входящими в горную гряду Сихотэ-Алиня. Так, на сопке Обзорной высотой 875 м над уровнем моря располагается известная всем жителям края горнолыжная база, протяженность спуска на которой составляет 1800 м.

Культурно-историческую значимость имеет Круглая сопка, сохранившая следы времен правления Бохайского царства, Чжурчженского государства Цзинь. Природные объекты также обуславливают положительные ассоциации у местного населения, например природная зона «Тайга в городе» у арсеньевцев вызывает чувство сопричастности с объектами природы, достоянием культурного наследия.

Горожане относятся с гордостью к территории, на которой они проживают. В процессе исследования проводилось анкетирование жителей г. Арсеньева. Неоднократно респонденты, называя ряд значимых объектов города, говорили так: «наш завод», «наши вертолеты» и т. п., что является показателем единения человека с территорией, ярким признаком территориальной идентичности.

В заключение нашего исследования хотелось бы обратиться к определению понятия «территориальная идентичность» Д. В. Визгалова: «...это ее смыслы, чувство социальной общности, возникающее на базе общего места проживания и основанное на символическом капитале, то есть: 1) восприятию территории жителями и 2) их поведении по отношению к территории» [28].

Заключение. Рассмотренные в процессе исследования подходы к концептуализации сущности понятий «идентичность», «этническая и территориальная идентичность» доказывают многогранность этих научных категорий. Развитие сопричастности индивида к этнической общности и территории зависит от множества факторов, к которым можно отнести единую территорию проживания, историческую память, язык, традиции и культуру. Формирование этнической идентичности индивида имеет ряд отличий от территориальной идентичности. Для обозначения территориальной идентичности достаточно ориентации на наличие одной общей территории проживания и отождествления с ней, что, в свою очередь, отличает ее от этнической идентичности, для которой, кроме общего пространства проживания, необходимы такие базисные основания идентичности, как язык, культура, осознание своего культурного единства.

Список источников

1. Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования: на примере российских немцев : автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. М., 2011. 327 с.

2. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 528 с.
3. Эриксон Э. Идентичность и цикл жизни. СПб.: Питер, 2023. 208 с.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
5. Goffman E. The neglected situation // *American Anthropologist*. New Series. 1964. Vol. 66. № 6. Part 2. Pp. 133–136.
6. Habermas J. Identität // *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus*. Frankfurt: Suhrkamp Verl., 1976. 346 p.
7. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. Е. А. Сурпиной. 2-е изд. М.: Академический проект, 2023. 343 с.
8. Заковоротная М. В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/index.shtml> (дата обращения: 04.09.2023).
9. Тэшфел Г. Эксперименты в вакууме // *Современная зарубежная социальная психология*. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 229–243.
10. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа / Дж. Тернер, П. Оукс, С. Хэслем, В. Дэвид // *Иностранная психология*. 1993. № 1. С. 8–17.
11. Джюева А.А. Теоретические подходы к изучению этнической идентичности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-etnicheskoj-identichnosti/viewer> (дата обращения: 02.10.2023).
12. Лысак И. В. Идентичность: сущность термина и история его формирования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-suschnost-termina-i-istoriya-ego-formirovaniya> (дата обращения: 02.09.2023).
13. Чернявская О. С. Осмысление понятия территориальной идентичности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-ponyatiya-territorialnoy-identichnosti> (дата обращения: 02.09.2023).
14. Гумилев Л. Н. Теория пассионарности и этногенеза. М.: Библиотека «Абсолют», 2012. 936 с.
15. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. 336 с.
16. Рыбаков С. Е. О методологии исследования этнических феноменов // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 5. С. 3–17.
17. Коноплева Н. А., Федорова С. Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию природно-культурного пространства якутского этноса // *Культурное пространство России и Монголии: теоретические и практические аспекты актуализации культурного наследия : материалы IX*

Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 23–25 сентября 2021 г.). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2021. С. 94–111.

18. Тишков В. А. Очерки теории этноса и политики этничности в России. М., 1997. 532 с.

19. Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1998. 243 с.

20. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М.: Наука, 1972. Вып. 2. С. 8–30.

21. Смирнягин Л. В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Серия географическая. 2016. URL: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-4-7-19> (дата обращения: 17.03.2024).

22. Самошкина И. С. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnaya-identichnost-kak-predmet-sotsialno-psihologicheskogo-issledovaniya-1> (дата обращения: 07.09.2023).

23. Какадий Д. В. Территориальная идентичность жителей Краснодарского края. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnaya-identichnost-zhiteley-krasnodarskogo-kraja> (дата обращения: 07.09.2023).

24. Мокин К. С., Барышная Н. А. Территориальная идентичность: сравнительный анализ Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республики. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/16771> (дата обращения: 07.09.2023).

25. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.

26. Федотова Н. Г. Территориальная идентичность как символический ресурс региона. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnaya-identichnost-kak-simvolicheskiy-resurs-regiona> (дата обращения: 29.08.2023).

27. Мусиездов А. А. Территориальная идентичность в современном обществе // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 51–58.

28. Визгалов Д. Брендинг города / предисл. Л. В. Смирнягина. М.: Институт экономики города, 2011. 160 с.

References

1. Kurske V. S. *Mnozhestvennaya etnicheskaya identichnost': teoreticheskie podhody i metodologiya issledovaniya: na primere rossijskih nemcev : avto-ref. dis. ... kand. soc. nauk 22.00.01* [Multiple ethnic identity: theoretical approaches

and research methodology: on the example of Russian Germans : author. dis. ...
Candidate of Social Sciences: 22.00.01]. Moscow, 2011. 27 p. (In Russ.)

2. Asmolov A. G. *Psihologiya lichnosti: Principy obshchepsichologicheskogo analiza* [Personality psychology: Principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl, 2001. 528 p. (In Russ.)

3. Erikson E. *Identichnost' i cikl zhizni* [Identity and cycle of life]. St. Petersburg: Peter, 2023. 208 p. (In Russ.)

4. Turen A. *Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Ocherk sociologii* [Return of the person acting. Outline of sociology]. Moscow: Scientific world, 1998. 204 p. (In Russ.)

5. Goffman E. The neglected situation. *Americanskij antropolog. Novaja serija* [American Anthropologist. New Series]. 1964. Vol. 66, No 6, Part 2. Pp. 133–136.

6. Habermas J. Identität. *Rekonstrukcia istoricheskogo materializma* [Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus]. Frankfurt: Suhrkamp Verl., 1976. 346 p.

7. Levin K. *Teorija polja v social'nyh naukah* [Field Theory in the Social Sciences]. Transl. from English. E.A. Surpina. 2nd ed. Moscow: Academic Project, 2023. 343 p. (In Russ.)

8. Zakovorotnaya M. V. *Identichnost' cheloveka: Social'no-filosofskie aspekty* [Human identity: Socio-philosophical aspects]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/index.shtml> (accessed: 04.09.2023). (In Russ.)

9. Tjeshfel G. Experiments in vacuum. *Sovremennaja zarubezhnaja social'naja psihologija* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1984. Pp. 229–243. (In Russ.)

10. Social identity, self-categorization and group / J. Turner, P. Oakes, S. Haslem, W. David. *Inostrannaja psihologija* [Foreign psychology]. 1993. No 1. Pp. 8–17. (In Russ.)

11. Dzhioeva A. A. *Teoreticheskie podhody k izucheniyu etnicheskoy identichnosti* [Theoretical approaches to the study of ethnic identity]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-etnicheskoy-identichnosti/viewer> (accessed: 02.10.2023). (In Russ.)

12. Lysak I. V. *Identichnost': sushchnost' terminaliistoriya ego formirovaniya* [Identity: the essence of the term and the history of its formation]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-suschnost-terminali-istoriya-ego-formirovaniya> (accessed: 02.09.2023). (In Russ.)

13. Chernyavskaya O. S. *Osmyslenie ponyatiya territorial'noji dentichnosti* [Understanding the concept of territorial identity]. Available at: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-ponyatiya-territorialnoy-identichnosti (accessed: 02.09.2023). (In Russ.)

14. Gumilev L. N. *Teorija passionarnosti i jetnogeneza* [Passionarity and ethnogenesis theory]. Moscow: Library "Absolute", 2012. 936 p. (In Russ.)

15. Bromlej Yu. V. *Etnosocial'nyeprocessy: teoriya, istoriya, sovremen-nost'* [Ethnosocial processes: theory, history, modernity]. Moscow, 1987. 336 p. (In Russ.)

16. Rybakov S. E. About Ethnic Phenomena Research Methodology. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2000. No 5. Pp. 3–17. (In Russ.)

17. Konopleva N. A., Fedorova S. N. Theoretical and methodological approaches to the study of the natural and cultural space of the Yakut ethnic group. *Kul'turnoe prostranstvo Rossii i Mongolii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty aktualizacii kul'turnogo nasledija: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Ulan-Udje, 23–25 sentjabrja 2021 g.)* [Cultural space of Russia and Mongolia: theoretical and practical aspects of updating cultural heritage : materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Ulan-Ude, September 23–25, 2021)]. Ulan-Ude: Publishing and printing complex VSGIK, 2021. Pp. 94–111. (In Russ.)

18. Tishkov V. A. *Oчерки теории этноса и политики этничности в России* [Essays on the theory of ethnos and politics of ethnicity in Russia]. Moscow, 1997. 532 p. (In Russ.)

19. Arutyunov S. A. *Narody i kul'tury. Razvitie i vzaimodejstvie* [Peoples and cultures. Development and interaction]. Moscow: Nauka, 1998. 243 p. (In Russ.)

20. Arutyunov S. A., Cheboksarov N. N. Information transmission as a mechanism for the existence of ethnosocial and biological groups of humanity. *Rasy i narody* [Races and peoples]. Moscow: Nauka, 1972. Issue 2. Pp. 8–30. (In Russ.)

21. Smirnjagin L. V. The fate of geographical space in the social sciences. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja* [News of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical]. Available at: <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-4-7-19> (accessed: 17.03.2024). (In Russ.)

22. Samoshkina I. S. *Territorial'naya identichnost' kak predmet social'no-psihologicheskogo issledovaniya* [Territorial identity as a subject of socio-psychological research]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnaya-identichnost-kak-predmet-sotsialno-psihologicheskogo-issledovaniya-1> (accessed: 07.09.2023). (In Russ.)

23. Kakadij D. V. *Territorial'naya identichnost' zhitelej Krasnodarskogo kraja* [Territorial identity of residents of the Krasnodar Territory]. Available

at: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnaya-identichnost-zhiteley-krasnodarskogo-kрая> (accessed: 07.09.2023). (In Russ.)

24. Mokin K. S., Baryshnaya N. A. *Territorial'naya identichnost': sravnitel'nyy analiz Saratovskoy oblasti i Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Territorial identity: a comparative analysis of the Saratov region and the Kabardino-Balkarian Republic]. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/16771> (accessed: 07.09.2023). (In Russ.)

25. Krylov M. P. *Regional'naya identichnost' v Evropejskoj Rossii* [Regional identity in European Russia]. Moscow: New chronograph, 2010. 240 p. (In Russ.)

26. Fedotova N. G. *Territorial'naya identichnost' kak simvolicheskij resursregiona* [Territorial identity as a symbolic resource of the region]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnaya-identichnost-kak-simvolicheskij-resurs-regiona> (accessed: 07.09.2023). (In Russ.)

27. Musiezdov A. A. Territorial identity in modern society. *Labirint* [Labyrinth. Journal of Social Humanities Research]. 2013. No 5. Pp. 51–58. (In Russ.)

28. Vizgalov D. *Brending goroda* [City branding]. Foreword of L. V. Smirnyagin]. Moscow: Institute of Urban Economics, 2011. 160 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Коноплева Нина Алексеевна, д-р культурологии, профессор, Владивостокский государственный университет (690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41)

Поветкина Анастасия Александровна, преподаватель Академического колледжа, Владивостокский государственный университет (690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41)

Information about the authors

Nina A. Konopleva, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vladivostok State University (41, St. Gogol, Vladivostok, 690014, Russia)

Anastasiya A. Povetkina, Lecturer, Vladivostok State University (41, St. Gogol, Vladivostok, 690014, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	19.11.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	05.02. 2024
Принята к публикации / Accepted for publication	22.04.2024